

Анкета

Три вопроса о ненасилии

1. Как понимается ненасилие в современных гуманитарных науках? Какие теоретические задачи связаны с обращением к понятию «ненасилие»?

Марта Нуссбаум (*профессор Чикагского университета, PhD*)

Традиция пацифистской мысли, которая уходит своими корнями во времена Ганди, понимает ненасилие как двойное понятие. С одной стороны, это способ поведения: пацифист не разрушает жизнь (Ганди считал, что сюда включаются и жизни животных, хотя многие, кто следовал за ним, например Мартин Лютер Кинг — младший, не соглашались с этим). С другой стороны, это внутренняя личная установка: «эмоциональный пацифист» (мой собственный термин) пытается отучиться искать возмездия за причиненные обиды, он стремится относиться даже к врагам с любовью к их человечности и верить в конструктивное разрешение разногласий. Кинг уделял много внимания внутреннему миру, постоянно пытаясь донести до своих последователей и общественности, что он является человеком любви (он дал исчерпывающее определение тому типу любви, который имел в виду), и верил в возможность установления справедливых отношений. Также поступал и Нельсон Мандела. По его словам, в юности он усвоил злобную установку мстить за обиды (он был когда-то боксером), и большая часть его 27-летнего пребывания в тюрьме ушла на то, чтобы избавиться от нее.

Какова связь между прагматическим пацифизмом (или пацифизмом действия) и эмоциональным пацифизмом? Какое-то время можно избегать насилия в своей практике, при этом не принимая установок эмоционального пацифизма, но все крупные мыслители полагали, что это продлится недолго. А вот по поводу того, станет ли эмоциональный пацифист когда-либо убивать, существует большая дискуссия, которая развернулась во время Второй мировой войны. Некоторые мыслители считали, что эмоциональный пацифист никогда

не возьмет в руки оружие. Другие же считали, что существует такое понятие, как справедливая война в целях самообороны, и что Вторая мировая война была именно такой войной, и что с этической точки зрения приемлемо активно участвовать в военных действиях, если при этом первостепенной целью является будущий мир. Позже Кинг принял эту позицию теоретически, хотя по стратегическим соображениям он настаивал на практике ненасилия во время движения за гражданские права. Мандела изо всех сил старался добиться реформ, не прибегая к насилию в действии, но когда эта попытка провалилась, он применил насилие, сосредоточившись, насколько это было возможно, на насилии по отношению к собственности, а не к людям. Я согласна с этой «смешанной» позицией и считаю, что капитуляция перед державами Оси или принуждение других брать на себя бремя сопротивления была бы морально ущербной. Но конечно, это был необычайно ясный случай, в то время как идея «справедливой войны» не всегда столь ясна.

Артемий Магун (*научный сотрудник Института глобальной реконструкции, PhD*)

Я не буду в своем ответе давать подробный обзор литературы, так как уверен, что это в данном номере НЛЮ хорошо сделали другие. В последнее время дискуссии о ненасилии были связаны с книгами Джудит Батлер, прежде всего с «Силой ненасилия»¹. Батлер, в свою очередь, возродила почтенную традицию политической теории, восходящую не только к Толстому, но и в более современном контексте к Ханне Арендт. Протест и демонстрации одобряются в современном западном обществе, но перед ними ставятся жесткие ограничения по применению насилия. Теория Арендт возникла на заре так называемой демократии демонстраций (А. Этциони²), фактически нового глобального политического режима, установившегося в 1970-е годы. А теория Батлер подводит как бы итог этой программе и ведет арьергардные бои, в момент, когда она явно исчерпала себя. В промежутке программа эта породила также книгу Джина Шарпа с набором практических рецептов ненасильственного сопротивления, зачитанную до дыр как демократическими активистами, так и спецслужбами³.

Быть ненасильственным, по Арендт и Батлер, означает отказ от подавления Другого, коммуникативную и публичную направленность действий, пусть даже самых агрессивных. Но тут уходит на второй план главное: то, что эти действия остаются в рамках закона или балансируют на его грани, на уровне неких незначительных нарушений. И закон, в свою очередь, шел навстречу мирным протестам, правоприменение было тут толерантным. Ненасильственный протест оставлял более или менее нетронутой общественную ткань, но в то же время опыт демонстраций говорит о том, что эта тактика включала в себя сложную миметическую *игру* обманных маневров и провокаций. В ряде

-
- 1 *Батлер Дж.* Сила ненасилия: Сцепка этики и политики / Пер. с англ. И. Кушнаревой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022.
 - 2 *Etzioni A.* Demonstration Democracy. New York: Gordon & Breach, 1971.
 - 3 *Шарп Д.* От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской. М.: Новое издательство, 2005.

случаев бархатных и цветных революций мирным демонстрантам удавалось захватить власть, произведя впечатление на политическое руководство, если оно придерживалось минимальных демократических приличий или боялось иностранного вмешательства. При этом какое-то насилие неизбежно все равно использовалось, но дело не доходило до гражданской войны.

Виктор Пелевин в романе 2009 года «Т» воображает альтер-эго Толстого как практику «ненасильственного сопротивления», под которым на самом деле понимается изощренная техника боя без оружия по типу восточных единоборств. Это, как всегда у этого писателя, точный диагноз скрытого смысла современного ему явления.

Это была интересная эпоха, но она неизбежно должна была закончиться, когда тактика «ненасильственного сопротивления» стала рутинной, и были ясны ее сильные и слабые стороны. В 2010-х годах, как раз когда Батлер заинтересовалась ненасильственным сопротивлением, его время вышло. Всем известные успешные революции 2010-х сопровождались настоящим, смертоубийственным насилием с обеих сторон, а неуспешные были подавлены, так как не осмелились перейти к насилию. И это достаточно тревожно.

В теоретическом, философском отношении эта история учит нас тому, что понятие насилия достаточно условно, и на этой условности легко играть. Обычно под насилием понимается физический ущерб, и, соответственно, «ненасильственными» являются вербальная агрессия, физическое приближение и т.д. Современное право стало карать эти «ненасильственные» формы в случаях, например, сексуального харассмента (возьмем «стокинг») или «триггерящего» содержания. Нет никакой логики в том, чтобы государство не преследовало за аналогичные действия демонстрантов, что оно и делает, особенно, но не только в авторитарных странах. Если вернуться к Батлер, то она, конечно, упоминает, что насилие бывает не только физическим, но и системным. Но тут возникает другая опасность — поскольку критерий насилия тогда крайне размывается, то можно, как это и делает Батлер, приписать все насилие авторитарным оппонентам вроде Трампа, а ненасилие себе.

Рубен Апресян (*главный научный сотрудник сектора этики ИФ РАН, доктор философских наук*)

18+

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ АПРЕСЯНОМ РУБЕНОМ ГРАНТОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА АПРЕСЯНА РУБЕНА ГРАНТОВИЧА

Говоря о дискурсе ненасилия, я бы не стал делать акцент на современном понимании. Этот акцент подразумевает, что есть современные понимания, отличающиеся от неких «традиционных», под которыми подразумеваются понимания, предложенные то ли, как было принято говорить, «апостолами ненасилия» — Львом Толстым, Мохандасом Ганди и Мартином Лютером Кингом, то ли теоретиками ненасилия последней трети XX века, отмеченной особенной дискурсивной активностью в этой области. В силу ряда обстоятельств на

первом плане здесь оказался Джин Шарп, который во многом преобразовал понимание ненасилия. В 1990-е, в период наибольшей исследовательской и общественной активности Шарпа, постановка вопроса о «современном понимании» была вполне своевременна. Апеллируя к успешному опыту череды цветных революций конца 1980-х годов, он ратовал за переосмысление принципа ненасилия в терминах методов и средств гражданского протеста, политической борьбы, и в этом контексте принципиальные, или духовные основания ненасилия как особого проявления пацифизма отодвигались на задний план. Для многих сторонников «ненасилия действия», особенно активистов уличного протеста, пацифистская и тем более агапическая (от *agape* — «милосердная любовь») составляющие философии ненасилия оказались мало значимыми. Имея в виду последнее, надо добавить, что в те годы роста популярности философии и этики ненасилия было много других авторов, которые, как мне кажется, не очень хорошо различимы сегодня — Жан Ванье, Жан Госс, Хильдегард Госс-Майер, Роберт Холмс, Джордж Кроуэлл, Томас Кунтц, Джон Йодер, Анджей Гржегорчик и многие другие. Если все же говорить о современности, то нельзя не отметить вышедшую в 2020 году книгу Джудит Батлер — «The Force of Nonviolence» (в 2022 году книга была издана в русском переводе). Значение этой книги я вижу в том, что Батлер, вбирая все аргументы дискуссий внутри специалистов по ненасилию (*nonviolentists*, по определению Холмса), переносит их в современный политический контекст. Но, помимо этого, она расширяет философский контекст проблематики ненасилия и стремится осмыслить этот феномен опосредованно к его антропологическим, социально-психологическим, культурологическим аспектам. При этом она обсуждает ненасилие через призму практической политики — как политическое, гражданское действие. Как видно из сказанного выше, этот аспект проблемы был освоен еще тридцать лет назад. Но в книге Батлер теоретические и практические вопросы ненасилия обсуждаются взаимопосредованно. Так что в философском плане это наиболее интересная на сегодняшний день книга по проблематике ненасилия. Оставляющая простор для воображения читателя (в том смысле, что Батлер далеко не все свои рассуждения доводит до финальных определений).

2. Можно ли сказать, что понятие ненасилия эволюционировало за последние 30 лет? Что является триггером переосмысления идеи ненасилия? Каким проблемам были посвящены наиболее значимые дискуссии вокруг понятия «ненасилие»?

Марта Нуссбаум

Мне не кажется, что понятие ненасилия претерпело какую-либо существенную эволюцию со времен Ганди, Кинга и Манделы. И мне кажется чрезвычайно важным, чтобы идея «эмоционального пацифизма» не была утеряна. Я много работала над ее развитием, дав в книге «Гнев и прощение»⁴ развернутую кри-

4 Nussbaum M. Anger and Forgiveness: Resentment, Generosity, Justice. Oxford: Oxford University Press, 2016.

тику ретрибутивного гнева. Наверное, эту работу можно рассматривать как нечто новое, хотя в ней я раскрываю то, что имплицитно присутствовало у других мыслителей.

Артемий Магун

Понятие «насилия», а соответственно и «ненасилия», — это новое и не очень законнорожденное понятие, приобретающее философскую значимость в эпоху позитивизма. Оно было в XIX веке сужено до «физического», то есть фактического, наглядного, юридически предъявляемого применения силы. С этим связана ограниченность понятия и его указанное лукавство. Философы и правоведы должны всерьез вернуться к этому понятию и попытаться его проработать, чтобы ввести в разумные рамки хитрую игру толерантности и трансгрессии, которая обычно имеет место в поле «насилия». Как-то надо тут отразить континуум агрессии и ущерба, а не проводить жесткую границу по линии физических границ тела, или даже тела плюс собственности. Возможно, надо вернуться к более ранним формам права, где насилие дискриминировалось разнообразнее, чем сейчас, когда оправданы только «пределы необходимой самообороны». Например, в Средневековье существовало так называемое право на сопротивление, где в случае гражданской войны восставшие получали не только военный ответ, но и право на судебное слушание. Возможно, какие-то формы мирового суда с предъявлением и разбором взаимных обвинений, а не сразу уголовное наказание, необходимы и в гражданском праве, и тем более в международном праве.

Рубен Апресян

Джудит Батлер в упомянутой книге среди прочего обращает внимание на то, что понятие ненасилие «насилуется» — узурпируется (ценой его извращения) теми, кто в борьбе со сторонниками ненасилия называют ненасильственные действия насильственными и даже экстремистскими. Это, конечно, показатель эволюции не понятия ненасилия, но публичного дискурса ненасилия. В России эрозия публичного дискурса ненасилия начинается в начале 2000-х годов (может быть, точнее, в 2004-м). И дело не в том, что проблематика ненасилия разрабатывалась довольно вяло, хотя это так, но в том, что понятие ненасилия в ответ на первый Майдан стало активно подвергаться перелицовке. Причем сразу под прицелом оказался Джин Шарп с его методами ненасильственной борьбы. Во времена первых активных политических кампаний, проводившихся с использованием методов ненасильственной политической борьбы (начиная с Ганди и, наверное, до свержения филиппинского президента Фердинанда Маркоса), сложилась оппозиция прагматического и принципиального подходов к использованию методов ненасильственной борьбы. Батлер это обсуждает, хотя и в своем ключе. Одно из моих жизненных впечатлений начала 1990-х — это руководитель литовского комитета гражданской обороны, который полагался именно на возможность эффективного применения ненасильственных методов сопротивления, буквально по Шарпу. Так вот, руководитель этого комитета, в недавнем прошлом кадровый офицер советской армии, вскоре стал уже в качестве генерала вторым человеком новообразованного министерства обороны Литвы. Типичный пример прагматистского подхода к не-

насилию, хотя, помимо Шарпа, их консультировала и философ Гражина Ми-ниотайте, последовательный принципалист в понимании ненасилия.

Не могу сказать, почему Шарп, чья первая книга была посвящена именно Ганди и его ненасильственной борьбе, в определенный момент сменил терминологию, перейдя на гражданскую оборону (civilian-based defense), а если и вспоминал Ганди, то лишь как один из случаев в применении тактики и техники ненасилия.

В 1990-е я определенно придерживался принципалистского подхода к ненасилию. Но постепенно, не в последнюю очередь под влиянием критики И.А. Ильиным Л.Н. Толстого и в процессе переосмысления этического смысла талиона в контексте теории справедливой войны, я пришел к пониманию неабсолютности принципа ненасилия. Отрицание абсолютности принципа ненасилия не означает переход на позицию прагматизма. Я бы даже не сказал, что на позицию релятивизма. Но — это еще одна дилемма внутри этики ненасилия — отказ принципу ненасилия в абсолютности означает отрицание его нормативной приоритетности и признание первичности задачи противостояния злу всеми возможными средствами.

3. Традиционно философские, социальные, политические теории больше говорят о проблематике войны и насилия. Стоит ли пытаться переключить внимание на ненасилие и мир? Каким образом концепция ненасилия бросает вызов традиционным представлениям о силе, авторитете и справедливости в рамках политических и социальных систем?

Марта Нуссбаум

На самом деле я думаю, что философия больше внимания уделяла миру, чем войне, поскольку война — это вопрос военной стратегии, по которому философы мало что могут предложить, в то время как стремление к миру и преобразование эмоций — это то, о чем философы могут многое сказать. (Я считаю Ганди, Кинга и Манделу крупнейшими философами. Прекрасную подборку эссе о философской мысли Кинга можно найти в книге «Сформировать новый мир»⁵. В ней можно найти мое эссе о концепции гнева Кинга.) Я считаю, что работа над эмоциями несправедливо игнорируется большей частью политической науки. И это необходимо изменить.

Рубен Апресян

Из приоритетности принципа противостояния злу и, соответственно, обязанности сопротивления злу всеми возможными средствами однозначно следует, что вопросы ненасилия и мира оказываются неотделимыми от вопросов применения силы, вплоть до вооруженной. Мы хорошо понимаем, что есть такие обстоятельства, в которых сопротивление злу невозможно иначе как посредст-

5 To Shape a New World: Essays on the Political Philosophy of Martin Luther King, Jr. / Ed. by B. Terry, T. Shelby. Cambridge: Belknap Press, 2018.

вом применения силы, в том числе сокрушительной. Анализ литературы показывает, что определения насилия и ненасиления выработываются, с одной стороны, под стоящие исследовательские задачи, а с другой — в соответствующем нормативном контексте и с учетом конкретного социально-политического опыта. Это хорошо видно и по книге Батлер. Эту мысль, в части ориентированности на практику, можно найти у Ганди, указывавшего на различие задач сопротивления британской колониальной администрации и противостояния возможному вторжению императорской армии Японии: Ганди понимал, что в последнем случае применение ненасильственных методов чревато массовой гибелью борцов.

Не менее важным, чем определение ненасиления, является определение «области ненасиления» (по аналогии с «областью справедливости»), критериев насилия и ненасиления (институциональных и нормативных) и их применения к действиям, дифференцированным по степени воздействия на оппонента (в спектре от аргументирования и призывов до разных видов принуждения). Разночтения в понимании ненасиления и насилия во многом результат не эволюции понятий, а расхождений в понимании их институциональных и нормативных критериев.